

Предлагаемая статья «О красавце Якуне и его золотом плаще. Термины одной теории» имеет небольшую предысторию. В 2017 г.¹ эта статья на не очень четких основаниях была отвергнута редколлегией одного уважаемого периодического издания. В частности, мне в очень мягкой, вежливой форме было указано, что лучше бы я занимался своей этнографией. Это замечание меня несколько удивило. Я искренне думал, что в своей статье именно этнографией я и занимаюсь, поскольку эта статья, по сути, является откликом на статью А.Ф.Литвиной и Ф.Б.Успенского, где авторы заявляют об открытии ранее неизвестного науке скандинавского обряда. А это чистой воды этнография. Однако на сайте *ethnomanuscripts.ru* эта статья один в один публикуется не для того, чтобы компенсировать какие-то комплексы по поводу пробела в моей личной библиографии. Напротив, читателю, если таковой найдется, предлагается покритиковать меня, т.е. найти ошибку в одном из действий при решении исторической загадки о Якуне и его золотой луде. Правильный ответ будет помещен в следующей статье. Даю подсказку: все дело заключается в одной букве.

Кроме того, данная статья позволяет открыть целый цикл работ по дисциплине, которую я предлагаю называть *этнографией Повести временных лет*, так как не совсем понимаю что такое «этногеография» и зачем она нужна, если есть этнография и география. В нужном качестве этнография ПВЛ, безусловно, выступает в роли вспомогательной дисциплины по отношению к истории, но для того, чтобы эта роль была успешной, она должна найти себя в качестве самостоятельной отрасли этнографии. Сомнений в необходимости такой отдельной дисциплины быть не может. Наличие множества фольклорных и – шире – этнографических мотивов в ПВЛ давно уже стало общим местом, но дело не идет дальше поверхностных и ни к чему не обязывающих, с научной точки зрения, наблюдений. Между тем, ПВЛ – это сплошная этнография, имея в виду тот, кажется, плохо осознаваемый *факт*, что она является пока скорее этнографическим источником, чем историческим (≠ «ценный исторический и этнографический источник»). Только путем изучения именно в качестве этнографического источника становится возможным её превращение в настоящий исторический источник. Такова герменевтика ПВЛ и никаких других способов её понимания не существует. Понять – значит объяснить нечто при выполнении условия исключения *толкований*, т.е. досужих размышлений.

П.Белков.

16 апреля 2019 года

П.Л.Белков

О красавце Якуне и его золотом плаще. Термины одной теории.

Задача настоящего исследования, в каком-то смысле, состоит в «перерегистрации» сюжета небольшого рассказа из «Повести временных лет», главным героем которого является варяжский князь Якун. Этот хрестоматийно известный рассказ занимает исследователей уже более полутора столетий. Начинается рассказ с сообщения о приходе Якуна с варягами по призыву князя Ярослава и описания Якуна фразой «и бѣ Якунь слѣпъ.

¹ В 2018 г. вышла в свет книга А.Ф.Литвиной и Ф.Б.Успенского «**Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия**», где рассматриваемая «концепция плаща» находит свое продолжение в виде особой главы с довольно сложной структурой.

луда бѣ оу него золотомъ истькана», а заканчивается описанием бегства Якун с поля битвы фразой «и Іакунъ ту отбѣже луды златоѣ» [ПСРЛ. Т.I 1926, стб.148].

В последнее время интерес к этому сюжету заметно оживился. Вышел целый ряд статей. Как бы подытоживает сделанное в этом направлении, статья А.Ф.Литвиной и Ф.Б.Успенского «Почему варяг Якун “отбеже луды златое”? Сцены Лиственской битвы 1024 г.» (Древняя Русь. Вопросы медиевистики, № 1(63), 2016, с.27-40)). В связи с этим по ходу изложения мы считаем «необходимым и достаточным» обращаться именно к этой статье, тем более что ей свойствен явно выраженный «норманистский» оттенок.

Исследования «Повести временных лет» всегда проводились в рамках извечного спора между «норманистами» и «антинорманистами», что на практике означает надевание либо черных, либо розовых очков. Инициатива, начиная с времен Миллера и Ломоносова, всегда была за «норманистами». Исторически так сложилось, вероятно, потому, что сама «Повесть временных лет», в сущности, является произведением «антинорманистского» толка. При этом мы отнюдь не призываем искать истину «посередине», полагая, что истина находится только там, где она находится. Мы говорим лишь о том, что альтернатив по определению может быть больше, чем две. Поэтому правильнее говорить о том, что без знания древнескандинавской истории и культуры невозможно изучение, безусловно, восточнославянской Древней Руси. Верна и обратная теорема. Например, невозможно понять скандинавские саги без знания русского фольклора. Мы не должны отрицать существование и византийской, и западнославянской, и балтской, и финно-угорской, и тюркской линий, но на данном этапе отвлекаемся от них, чтобы более пристально изучить то, что находится в области пересечения скандинавского и восточнославянского «культурных кругов».

Из содержания статьи А.Ф.Литвиной и Ф.Б.Успенского вытекает существование некоторой теории, основными терминами которой являются три сингулярных предложения: 1. «Якун имеет своего реального исторического прототипа в лице ярла Хакона Эйрикссона»; 2. «Слово *луда* является заимствованием из древнескандинавского языка»; 3. «Слово *слѣпъ* следует читать с помощью конъектуры *съ лѣпъ* («Якун был не слепцом, а красавцем»)).

1. В рамках рассматриваемой теории авторы статьи предлагают создать еще один объект: «Слово *отбѣже* (как прошедшее время *отбѣгнути* / *отбѣжати*) имеет особое значение ‘оставить при бегстве нечто ценное, отвлекая противника и тем спасая собственную жизнь’, возникшее результате обобщение правил этикета обращения с плащом, принятых среди скандинавской знати» [Литвина, Успенский 2016, с.39]. Строго говоря, создание этого объекта равносильно завершению процесса построения специальной

теории «рассказа о плаще» в плане выражения, или чисто синтаксической целостности. План содержания этой теории, выступающей в роли субтеории по отношению к «норманистской» теории, термином которой она сама является, будет рассмотрен нами ниже. Вопрос ставится так: существуют ли объекты, о которых говорит данная теория?

Существование данного теоретического объекта вызывает сомнения, прежде всего, с точки зрения способа его конструирования. Возникает этот объект в результате абстрагирования несуществующей реальности. Иными словами, авторы рассматриваемой теории абстрагируют реальность, которую сами же и сконструировали. По их мнению, смысл глагола *отбъже* восходит к особому скандинавскому этикету, или, можно сказать, кодексу обращения с плащом.

В обоснование этого тезиса приводятся отрывки из древних скандинавских саг: 1) как сваты во время разговора с отцом невесты сидят на его плаще, 2) как герой, уходя от погони, топчет в полыньи своего коня и оставляет на льду плащ и меч, чтобы заставить преследователей считать его погибшим; 3) как другой герой при совершении побега бросается с борта корабля в воду (в воде он избавляется от плаща и плывет к берегу) [Литвина, Успенский 2016, с.29-31]. Все эти приключения с плащами легко находят обычные житейские («житийные») объяснения. Но авторы статьи в всем этом стараются разглядеть какие-то таинственные «свидетельства о плаще»: «обычай и трюки, связанные с плащом и другой одеждой», «манипуляции с предметами», которые «представлены в традиции», «целый ряд мелких и крупных этикетно-обиходных правил обращения с плащом знатного человека» и т.п., которые вроде бы и дают ответ на главный вопрос: почему варяг Якун «отбеже луды златое»?

Ответ на этот вопрос служит замковым камнем всей теории: «Что же... означает интересующая нас конструкция с глаголом *отбъгнути* / *отбъжати*? Разумеется, здесь очень трудно провести точную грань, отделяющую языковую семантику от контекстно обусловленного значения, но, как кажется, имеющиеся в нашем распоряжении примеры позволяют определить ее следующим образом – ‘оставить при бегстве нечто ценное, отвлекая противника и тем спасая собственную жизнь’» [Литвина, Успенский 2016, с.39]. Надо понимать, Якун не просто бежал с поля боя, но «в строгих правилах искусства»?

Предлагаемая А.Ф.Литвиной и Ф.Б.Успенским генерализация значений несостоятельна в принципе. Сравнимые повествовательные предложения получены из несовместимых высказывательных функций. Как возможно произвести обобщение столь различных по смыслу фраз: «сидеть на плаще», «сбрасывать с себя плащ (чтобы вырваться из рук стражей)», «подбрасывать плащ (чтобы навести преследователей на ложный след)»?

Не говоря уже о том, что чтение слова *отбѣже* не представляет собой никакой лингвистической загадки². Согласно Материалам Срезневского, инфинитивом этого глагола является форма *отбѣжи* в значении «потерять, лишиться»³ [Срезневский 1895, стб.773-774]. Глагол *отбѣжати* принимает значение «отказаться, оставить» только в одном случае, относящимся к XV в.: «Хошю вамъ божественымъ писаніемъ реши, еже отбѣжати пагубу четвертаго брачества» [Срезневский 1895, стб.773]. Здесь глагол *отбѣжати* синонимичен глаголу *бѣжати* / *бѣжати* в значении «избежать» («Грѣха бѣгати» [Срезневский 1893, стб.212]). Ср. бежать смерти, гибели опасности., т.е. избегать или спастись от чего-либо. Но основным значением *отбѣжати* / *отбѣжати* является «отступить» («уходить», «удаляться», «бежать», «обратиться в бегство»), как это явствует из летописных выражений: «ходиша Корела на Юмъ и отбѣжаша» [Срезневский 1895, стб.773].

Глагол *отбѣжи*, скорее всего, является образованием от *быти* (*бѣ*, *бѣх*) с помощью приставки *от* по той же модели что и возвратный глагол *отбѣытися* в значении «исчезнуть, перестать существовать» («Все погыбе, все отбыся» [Срезневский 1895, стб.773]). Из сказанного вытекает, что Якун потерял («отбыл», «отбавил») «луды златые» и уж никак не «отбегал» от неё. Безусловно, этот момент преподносится летописцем как знак посрамления Якуна, потери им чести⁴.

2. Семантике слова *луда* в теории «рассказа о плаще» придается роль косвенной улики в пользу версии идентичности летописного Якуна и Хакона Эйрикссона. Компонентный анализа слова *отбѣже* в работе А.Ф.Литвиной и Ф.Б.Успенского тесно связан с трактовкой слова *луда*. В этом они безоговорочно полагаются на мнение М.Фасмера, который считал это слово прямым заимствованием из древнескандинавского языка: *loði* «грубая верхняя одежда» [Фасмер Т.И 1996, с.529]. Однако он опирался, в первую очередь, на труд сторонника норманистской теории В.Томсена, который целенаправленно искал в древнерусском языке «следы скандинавской народности, некогда игравшей столь важную роль в истории России». К числу слов, которые «с большей или меньшей вероятностью могут быть причислены к указанному разряду», В.Томсен относил и слово *луда*:

² Ср.: «Ну и не може никакъ *отъ ёй сбыть...*» (Ончуков, № 95, стр.250). – *Прим.ред. сего года.* – ПБ.

³ А.Ф.Литвина и Ф.Б.Успенский в примечании указывают на Материалы Срезневского, но, все-таки, не отказываются от своей точки зрения [Литвина, Успенский 2016, с.38].

⁴ Впрочем, авторы теории «рассказа о плаще» весьма предусмотрительно замечают, что филологическая составляющая летописного известия о Якуне полностью укладывается в древнерусскую традицию и непосредственной связи со скандинавским материалом не обнаруживает [Литвина, Успенский 2016, с.37].

«Древнерусское *луда*, род одежды, плащ=др.норм. *lodi*, меховой плащ; *lod*, мохнатая материя» [Томсен 1891, с.117].

Важно, что В.Томсен, проявив научную добросовестность, в своей книге специально оговаривает то единственное условие («тогда и только тогда, когда...»), при котором слова «указанного разряда» могут быть причислены к скандинавским языкам. Это должны быть слова, «попадающиеся из славянских языков только в русском» [Томсен 1891, с.117].

Кроме того, в своем мнении В.Томсен несамостоятелен, по существу, делая скрытую ссылку на материалы и, главное, выводы А.М.Шёгрена, опубликованные в 1834 г. С первых строк своей статьи А.М.Шёгрэн объявляет, что слово *луда* – «не славянское». Затем он указывает на сходство с древнеисландским *Löfi* или *Lodi*, чтобы в дальнейшем трактовать известные ему факты исключительно в пользу этой версии, в то же время признавая, что *Löfi* или *Lodi* встречается только в одном древнескандинавском сказании, а именно: в «Саге о Вёльсунгах» [Sjögren 1834, с.563, 568, 572]. По собственным показаниям А.М.Шёгрена, можно сделать только самый общий вывод: речь идет о *каком-то* виде верхней одежды: «...dass *lodi* ein Kleid war, das man zu oberst trug, also eine Art Mantel» [Sjögren 1834, с.570].

Таким образом, В.Томсен, как впоследствии и М.Фасмер, сближал слово *луда* с древнескандинавским *lodi*, перепрыгнув через голову Н.П.Ламбина, полностью опровергшего точку зрения Шёгрена в 1858 г., и ровно на том основании, о котором писал сам В.Томсен. Действительно, слово *луда* «попадает» не только в русском, но и в других славянских языках. Н.П.Ламбин приводит различные данные из книги Срезневского «Мысли об истории Русского языка» (1849): чешское *luden* – неваляное сукно, лужицкое *leido*, *leidno* – кофта, хорватское *luda* – покрытие и *luditi* – покрывать [Ламбин 1858, с.54]. Пользуясь другими источниками, он находит лексические соответствия в диалектах русского языка: луданный – шелковый, лудан – шелковый платок, лудан, луданный – род ткани, камка (вид шелковой ткани. – *ПБ*) [Ламбин 1858, с.55-56]. Весьма кстати упоминает Н.П.Ламбин и такие выражения, как *лудить*, *полуда* и т.п. [Ламбин 1858, с.55-56].

К моменту летописного упоминания слово *луда* имело своим референтом именно шелковый («блестящий») плащ, хотя в древности это слово подобно германским терминам этого ряда, по-видимому, ассоциировалось с представлением о шерстяной ткани. При компонентном анализе древнегерманского *ludo* (*lodo*) и древнерусского *луда* возникает разветвление: «покрывало, шерсть, ворс» и «покрывало, шелк, блеск». Это означает в том числе, что вопрос о *луде* из «Повести временных лет» никак не связан с вопросом о *Löfi*

из «Саги о Вёлсунгах». В конце концов, нас должна интересовать не семантика слова *луда*, а его сигматика, т.е. денотат (материальный референт).

Вместе с тем то обстоятельство, что одежда на варяге Якуне (или на «бесе в образе Ляха») именуется «лудой», само по себе никак не может быть истолковано с точки зрения коннотаций чужеродности (см.: [Литвина, Успенский 2016, с.28, 38]). В этом пункте теория «рассказа о плаще» натывается на серьезное препятствие в виде этнографического свидетельства из «Пряди о Хауке Хаброкаре», где посланец конунга покупает для него у одного грека в Хольмгарде весь отделанный золотом драгоценный плащ, именуемый в оригинале *skikkja* [Джаксон 1993, с.91]. Тождественность денотата древнерусского *луда* и древнескандинавского *skikkja* (греч. *σχιμα*?) не может вызывать особых сомнений.

Один из современных авторов, В.Тороп, правда, имея в виду доказательство реальности эпизода с потерей луды (по его словам, этот эпизод сначала вошел в «дружинный фольклор», а затем из фольклора был перенесен в летопись), делает вполне обоснованное предположение, что слово «луда» указывало на вещи, имеющие поверхность блестящую, сверкающую («шелковую». – *ПБ*) [Тороп 2012, с.255]. Действительно, по Далю, одним из значений слова *луда* является «блестящая наволока». В архангельском говоре слову *лудь*, *луди* придается значение «ослепительный блеск, белизна». Ср. общерусское слово *лудеть* – «слепить блеском, белизною, блеснить, зеркалить» («снег лудеет на солнце») [Даль Т.2 1989, с.271].

Таким образом, Н.П.Ламбину удалось опротестовать идею В.Томсена в самой ее основе задолго до того, как она была высказана. На наш взгляд, связь между древнерусским *луда* и древнескандинавским *loði*, безусловно, существует, но искать её надо на уровне более древнего субстрата, или *уровня лингвистической непрерывности*, который объединял диалекты славянской и германской группы. На момент исторической встречи славян и скандинавов, если можно так выразиться, на территории «Повести временных лет» слово *луда*, несомненно, уже входило в состав древнерусской речи.

Точности ради отметим, что А.Ф.Литвина и Ф.Б.Успенский признают наличие лексемы *луда* в западнославянских языках, но, кажется, не придают значения тому, что при наличии этого факта слово *луда* не может считаться свидетельством варяжского «присутствия» [Литвина, Успенский 2016, с.27]. Возможно, повод не заметить свойство принадлежности слова *луда* древнеславянскому миру дает сам Н.П.Ламбин, когда настаивает на заимствовании этого слова из польского языка [Ламбин 1858, с.64]. В доказательство он приводит выдержку из «Повести временных лет» под 1074 годом: «Видѣ wбиходаща бѣса в образѣ Ляха в лудѣ и носяща в приполе цвѣткы» [Срезневский 1895,

стб.49]. Однако по правилам формальной логики от образа «Ляха в луде» никак нельзя заключить о том, что слово *луда* происходит из польского языка. Неудачная попытка Н.П.Ламбина вывести это слово из конкретного языка является ярким примером одной логической ошибки – «тот, кто доказывает слишком много, ничего не доказывает»⁵.

Ценность информации, заключенной в рассказе о «бесе в образе Ляха», состоит в недвусмысленном указании на сущность предмета под именем «луда» как этнографической универсалии. Это несомненно вид одежды, имеющей полу (полы), или, выражаясь словами летописца, «припол». Слово же *пола* в летописях выступает синонимом *пелены*, или покрывала: «... и спре полы рекше пелены...» [ПСРЛ Т.I 1926, стб.458].

3. Переходя к главной части нашей работы, напомним, что научное изучение интересующего нас отрывка, с историографической точки зрения, начинается с постулата о тождестве летописного имени *Якун* и скандинавского *Хакон* (Hakonr), из чего, по мнению многих, естественным образом, вытекает, что за летописным Якуном скрывается реальное историческое лицо – Хакон Эйрикссон из рода хладирских ярлов. В качестве основной посылки берется единство таких признаков, как этническая принадлежность и знатность. В этом контексте подчеркивается, что в летописи Якуна именуют «князем Варяжским»⁶.

Следующим этапом в «идентификации Якуна» стала классическая по своей фундаментальности работа Н.П.Ламбина, первого, кто усомнился в слепоте Якуна (если не брать в расчет паллиатив – тезис об «одноглазом» Якуне, выдвинутый когда-то О.И.Сенковским в споре с Карамзиным [Сенковский 1858, с.509]). Опираясь на логику (динамику) событий рассказа по всей его длине, он указал, во-первых, на то, что сообщение о слепоте Якуна противоречит всем его действиям, а, во-вторых, поскольку речь идет, все-таки, о наружности этого персонажа, – на то, что лексема *бѣ Якунъ слѣпъ* может быть просто «недоразумением» переписчика и читать её следует *бѣ Якунъ съ лѣпъ*, т.е. «был Якун сей леп (красив)» [Ламбин 1858, с.66].

На этой почве возникает самостоятельная теория, позволяющая её сторонникам добавить к признакам сходства Якуна и Хакона Эйрикссона еще один – «красота» [Литвина, Успенский 2016, с.28, 34]. Действительно, в современных переводах древнеисландских саг на русский язык подчеркивается красота Хакона Эйрикссона, причем именно как фамильная черта хладирских ярлов. Поэтому тезис о красоте норвежского ярла в контексте рассматриваемой теории превращается в главную улику. Однако главная улика не всегда

⁵ Более естественно предполагать, что заимствованием из польского языка является именно слово *плащ* (płaszcz). В древнерусских текстах такое слово как будто не встречается, но есть *хламида* (греч. χλαμύς), «рекомая плаща», и *плащаница* [Срезневский 1895, стб.958].

⁶ Ссылки на литературу по этому вопросу см. в работе А.Ф.Литвиной и Ф.Б.Успенского [Литвина, Успенский 2016, с.27-40].

является синонимом неопровержимой улики. В аргументации Н.М.Ламбина относительно предлагаемой им конъектуры обнаруживается один существенный пробел. Как будет показано ниже, он исходил из наличия дилеммы там, где следует говорить о трилемме.

В некоторых списках вместо *слѣпъ* мы находим *слѣль* [ПСРЛ Т.II 1908, стб.135, прим.29; ПСРЛ Т.XV 1965, с.143]. Может быть, это случайность, а, может быть, и нет. Не претендуя на филологический анализ, вернемся к идее Н.П.Ламбина о том, что лексема *слѣль* должна иметь семантику, согласующуюся со смыслом фразы *луда бѣ оу него золотомъ истѣкана* и всего сообщения в целом. Но если речь идет не о слепоте и не о красоте, о чем же еще можно говорить, если придерживаться тезиса, согласно которому в указанной лексеме содержится сообщение о каком-то особом отличии персонажа по имени Якун?

Выдержки из саг, где описывается красота Хакона Эйриксона или его сородичей, предлагается комментировать с той точки зрения, что присутствие красоты расценивалось «как надежный внешний признак наличия в человеке прочих выдающихся родовых черт» [Литвина, Успенский 2016, с.27]. Однако летописец вовсе не стремился создать положительный образ Якуна. Скорее наоборот, Якун – сугубо отрицательный персонаж, которому к тому же уделена роль козла отпущения, отвечающего за грехи Ярослава. В «сценах» Лиственской битвы Ярослав как правитель и полководец не является достойной для похвал фигурой. Кроме того, летописцу как будто нравственно претило, что Ярослав прибегал (sic!) к помощи варягов для разрешения сугубо «домашних», внутрдинастических, споров. Другими словами, если (или если бы) Якуна не было, то его следовало бы выдумать. Золотая луда – неплохой прием для отвлечения внимания от одного из протагонистов летописного сказания в тот момент, когда тот терпит позорное поражение.

Остается только один вариант для истолкования значения лексемы *слѣль* – «щегольство», совершенно неуместное на поле боя. На этом фоне конъектура *слѣль* уже не кажется случайной опiskой, будучи похожей на чью-то догадку. Обратившись к Материалам Срезневского, мы находим там слово «*слѣпливыи*» в значении «ослепительный»: «нѣ не ако слѣпливо есть слнце» [Срезневский 1903, стб.442]. Тогда, если наши предыдущие рассуждения правильны, словом *слѣль* / *слѣль* древнерусский летописец хотел указать именно на то, *как* одет Якун: слишком *ярко, нарядно, роскошно*⁷.

⁷ Вспомним еще одно место в летописи под 1202 годом: «... оставил бо бѣ оу него. засадоу. Мокъя великаго. слѣпоокого. ...» [ПСРЛ Т.II 1908, стб.717]. «Слепой» в засаде? Может быть, наоборот, «ясновидящий» («ясноокий», «светлоокий»)?

Вообще развитие темы несовместимости стремления к роскоши с воинской доблестью весьма занимало создателя «Повести временных лет» и неоднократно использовалось в качестве литературного приема. Ограничимся хрестоматийными примерами. Ср. мотив «кропанных» и «паволочитых» парусов, которым вещий Олег демонстративно предпочитает свои «толстины». Тем самым он фактически противопоставляется Олаву (sic!), который, как гласят саги, находился на службе у конунга Гардов Вальдамара в качестве военачальника: «... говорят, после одной великой победы повернул он домой в *Гарды*; они плыли тогда с такой большой пышностью и великолепием, что у них были паруса на их кораблях из драгоценных материй...» [Джаксон 1993, с.136-137]. Или: мотив аскетического образа жизни непобедимого Святослава, который впоследствии проявил страсть в роскоши («паволоки», «золото», «вино», «овощи», «комони» и пр.), променяв Киев на Переяславец на Дунае и объявив Переяславец «средой земли своей», что, как, вероятно, полагал летописец, и привело его к бесславной гибели на днепровских порогах. Данная тема довольно четко просматривается и в мотиве смерти, постигшей Игоря. То, что поначалу выглядит как уступка справедливым требованиям дружины, которая с завистью и / или негодованием смотрит на утопающих в роскоши «отроков Свенельда»⁸, затем по ходу действия превращается в неумное желание «болшая именья»

В единообразии и отточенности повторяемого раз за разом стилистического приема чувствуется одна и та же рука, один и тот же подход к описанию событий прошлого. Противопоставление «русов» и «варягов» как «своих» и «чужих» проходит красной линией по всей «Повести». И почти всегда к этому добавляются характерные детали, выдающие известную предубежденность летописца в отношении варягов, падких на предметы роскоши, вроде: «изовдѣтъся оружьемъ и порты, а мы нази». Возможно, созданию столь невыгодного впечатления о себе способствовали сами скандинавы. В сагах о «Гардах», или «Аустрики», рассказывается исключительно как о стране, где можно добиться почестей и богатства в качестве воина-наемника на службе у местных конунгов или приобрести в торговой поездке «дорогие и редкие» в Скандинавии драгоценности, ткани, одежды и утварь [Джаксон 1993, с.90, 93; 23, с.202].

4. Предлагаемое прочтение лексемы *слѣпъ* или *слѣль*, можно подтвердить не только с помощью общих рассуждений. Многие сходные по смыслу и по звучанию слова были зафиксированы в древнерусских текстах и благодаря этому попали в Материалы Срезневского: *щипити*, *щяплю*, *щяпление*, *щяпливый*, *щяповство* [Срезневский 1903, Стб.1607]. В словаре Даля приводится строчка из русской плясовой: «Уж была Дунюшка

⁸ Читай: «варягов». – ПБ.

щеплива» («щепетить – щापить – щапливый – щап – щеголь») [Даль Т.4 1991, с.655]. Согласно словарю Н.М.Шанского, В.В.Иванова и Т.В.Шанской, слово *щепетильный* происходит от *щепетить*, «наряжаться, модничать, щеголять»; *щепет* – «щегольство, мелочный порядок на внешнее < мелочи галантерейного характера» [Шанский, Иванов, Шанская 1974, с.519].

Стараясь не вторгаться в чужую для нас область филологии по поводу прослеживания фонетических связей подобных слов с летописным *слѣпъ*, к лексеме *щепетильный* можно подойти как бы с обратной стороны. Так, в словаре Даля читаем: «**Варяг** м. скупщик всячины по деревням; маяк, тархан, орел; или кулак, маклак, прасол, перекупщик; или офеня, коробейник, щепетильник, меняющий мелочной товар на шкуры, шерсть, щетину, масло, посконь и пр.» [Даль Т.1 1989, с.166]. Как можно видеть, в народном сознании XIX в. образ «варяга», торговца изделиями, служащими для украшения, прочно ассоциируется на основе энантиосемии с понятием щегольства: варяг = щепетильник (по формуле «то ли продает, то ли покупает, но предметы роскоши»). В этом смысле, образ варяга-коробейника по факту преемственности исторической («этнографической») памяти изоморфен образу реальных исторических и / или летописных варягов, наемников и торговцев.

К сказанному можно присовокупить еще два факта.

Первое. В древнерусских текстах слова *лѣпость*, *лѣпота*, *лѣпыи* выражают скорее идею приличия, благовидности и пр., т.е. идею противопоставления хорошего, или лучшего, плохому, худшему, нежели идею красоты в нашем, современном понимании – *миловидности* («С лица не воду пить!»). Что же касается слова *лѣпъ* (от глагола *лѣпиту*), то оно вообще означает «пластырь, мазь, клей» [Срезневский 1895, стб.73-74].

Второе. Чтение слова *лѣпъ* как синонима слова *красив* противоречит языковой практике той эпохи, когда, кстати говоря, слово *краса* или *красота* («блеск, сияние, роскошь, драгоценное / многоцветное, яркое убранство») не применялось к описанию внешности человека в отношении правильности черт лица или физической привлекательности. В летописях при описании (красивой) внешности Мстислава говорится иначе: «дебел тѣлом. чермень лицом. великыма очима» [ПСРЛ Т.I 1926, стб.150].

5. Фактически, летописная констатация внешнего облика Мстислава есть не что иное, как повторение формулы, примененной в сагах к описанию Олава Святого: «Волосы у него были русые, лицо широкое и румяное, кожа белая, глаза очень красивые, взгляд острый...» [Снорри Стурлусон 1995, с.168]. В оригинале говорится: «...ljósjarpr á hár, breiðleitr, ljóss ok

rjóðr í andliti, eygðr forkunnar vel, fagreygr ok snareygr...»⁹. Более предпочтительным кажется такой перевод: «... волосы у него были светло-рыжие, лицо круглое, белое и румяное, глаза большие (eygðr forkunnar vel), взгляд ясный (fagreygr) и смелый (snareygr) ...». Полного соответствия эпитетов, конечно, быть не может. В русских былинах идеалом *мужественности* считаются «желтые кудри» [Былины 1986, с.266]. Паре «fagreygr ok snareygr» можно легко сопоставить наше фольклорное выражение «соколиный взгляд» («глядеть, или смотреть соколом»), проистекающее из образа сокола как символа мужской красоты (мужественности) и отваги. На данном этапе исследования сложно говорить, в каком направлении происходило заимствование в исходном историческом локусе: то ли славянский «культурный круг» надвигался на скандинавский, то ли наоборот. Тем более, что подобные взаимодействия всегда «квантуются», распадаются на отдельные моменты.

Пока нас интересует только одно. Поскольку два словесных портрета, Якуна и Мстилава принадлежат одному автору и, фактически, помещаются в пределах одного текста, характеристика «слѣпъ» относится *не* к телесной красоте Якуна. Здесь уместно вспомнить общеизвестный этнографический факт. В обрядовой жизни русских крестьян, в частности, в свадебных ритуалах, слово *краса*, или *красота*, выступает не как абстракция, или свойство, но как принадлежность, вещественный атрибут индивида. Для девушки это – коса. Мужской вариант – кудри. Число такого рода фольклорных свидетельств, касающихся поговорок, песен, ритуальных действий можно привести множество (см.: [Бернштам 1982, с.43-66]).

В русской волшебной сказке «Незнайко» (Аф.296) о герое говорится: «ростом он всех больше, туловом толще, кудри словно золото по плечам рассыпаются» [Афанасьев Т.П 1985, с.326]. Вспомним, что в скандинавских сагах Олава Святого называли «толстым» (*digur*), или, на языке древнерусских летописей, «дебелым».

В стихотворении Некрасова «Огородник» мы, несомненно, узнаём сказочного Незнайку, царского садовника. Под пером поэта волшебная сказка лишь превращается в легендарную сказку, т.е. сказку с несчастливым концом. В плане словоупотребления данное произведение не выходит из рамок традиционных устных сказаний, абсолютно точно сохраняя язык фольклора, например, при описании внешности героя и героини. Она – «черноброва, статна, словно сахар бела!..» Он о себе: «Что и сам я пригож, не уродом рожден, – / Словно сокол гляжу, круглолиц, белолиц, / У меня ль, молодца, кудри – чесаный лен...». Конкретность народного представления о «красе» сохраняется полностью: «И красу (т.е. «кудри как лен». – *ПБ*) с головы острой бритвой снесли».

⁹ См.: Saga Ólafs hins Helga Haraldssonar // Norræn dýrð. 16 июля 2017 г.
<norse.ulver.com/src/konung/heimskringla/olaf-helg/on.html.>

6. В свете сказанного уже несколько проще вносить уточнения и в описания «красоты» ярла Хакона и его сородичей. В русском переводе саги о волосах Хакона говорится: «длинные волосы, красивые как шёлк» (hann hafði hár mikit ok fargt sem silki). Но слово *fagur* (древнеисл. *fagr*) имеет значение не только «красивый», но также «блестящий, сверкающий, полированный» [Берков 1962, с.152]. Интересующая нас ассоциация носит тривиальный, а потому универсальный характер не только для той отдаленной эпохи: *шёлк – блестящий (лебедь – белый, волк – серый, сокол – зоркий и т.п.)*. Следовательно, волосы у Хакона были, все-таки, не «длинные и красивые как шёлк», согласно русскому переводу, а «густые и блестящие как шёлк» (см.: [Снорри Стурлусон 1995, с.180]). Ср. волосы «как лён» и волосы «как шёлк».

Общая характеристика внешности Хакона – «он был красив на диво» [Снорри Стурлусон 1995, с.511], – становится более понятной, с точки зрения соответствия традиционным представлениям, если вместо слова «красив» или «красивее всех» (в оригинале – allra manna *fríðastr*) подставить «пригож», «статен», «хорош», «ладен» и пр. Смотрим у Даля: «И рослый, и стать хороша, всем молодец» («стать, лад, образ, порядок, приличие») [Даль Т.4 1991, с.310].

В других местах «Круга земного» при переводе слов *fríður, fagur, hærður*¹⁰ также следует подыскивать слова, заменяющие в интересующем нас аспекте определение «красивый», как это однажды сделано в русском переводе при описании внешности Сигурда Слембидьякона в «Саге о Магнусе Слепом и Харальде Гилли»: «Он был пригож с виду (manna var hann fríðastr¹¹)» [Снорри Стурлусон 1995, с.511]. Впрочем, слово *пригожий* здесь тоже не очень подходит. Вероятно, Снорри Стурлусон подразумевал внешний вид: *важный, горделивый, высокомерный, внушительный, мужественный, величавый надменный, суровый* и т.п. Это соответствует характеристике Сигурда как смолоду заносчивого, неуживчивого человека. Между прочим, далее следует: «Волосы у него были красивые, но довольно редкие» [Снорри Стурлусон 1995, с.511]. В оригинале слов о красивых волосах нет. Насколько можно понять, там говорится о «довольно редких (жидких), седых (сивых) волосах» (heldr þunnhátt ok vel hærðr).

7. Проанализируем еще одно предложение из «Саги об Олаве Святом». По ходу действия Олав обращается к плененному им ярлу Хакону со словами: «Правду говорят, что красив ваш род (eigi er þat logit af yðr frændum, hversu fríðir men þér erut synum), но удача ваша истощилась» [Снорри Стурлусон 1995, с.180]. При переводе было бы более логично

¹⁰ См.: [Берков 1962, с.152, 195, 327].

¹¹ См.: Saga Magnús blinda ok Haralds gilla // Norrœn dýrð. 16 июля 2017 г. < norse.ulver.com/src/konung/heimskringla/magnus-blind/on2.html.>

вместо выражения «красив ваш род» использовать «знаменит (статен, честен, славен, знаменит) ваш род» по аналогии с тем значением, которое слово «стать» принимает во русских традиционных фразеологизмах «честь (стать) пива дороже» или «хвалить не устать, было бы под стать» (в ряду «стать, лад, образ, порядок, приличие») [Даль Т.4 1991, с.310]. В данном случае выражение «под стать» синонимично выражению «по заслугам». Соответственно: при первом употреблении слово *fríður* означает «статный» («видный?»), указывая на телосложение, при втором – «честь», указывая на высокий социальный статус, знатность рода, выдающиеся заслуги или громкую славу.

Лексема *fagur*, используемая в значении «блестящий (или сверкающий)», служит дополнительным признаком того, что слово *fríður* принимает два различных значения, но так, что оба они отличны от значения «красивый». Примечательно, что в переводах «Круга земного» на английский как эквивалент понятия *fríður* используется не слово *beautiful*, но *handsome*, которое имеет совокупное значение «красивый, статный, благообразный»¹² [Snorri Sturluson 2011, с.184, 233].

Таким образом, слухи о красоте хладирских ярлов «несколько преувеличены». Теория красоты Якуна не выдерживает критики за отсутствием как у предков скандинавов, так и у предков восточных славян самого понятия красоты, а, следовательно, и языкового выражения этого понятия. Современное понятие красоты носит очень абстрактный характер в отличие от древности, когда множество признаков «красота» задавалось не свойством, а перечислением его элементов. В подобных ситуациях носители традиционной культуры полагаются не на понятия, а на символы – образы и сравнения.

По совокупности всех изложенных фактов, принять конъектуру Н.П.Ламбина *бѣ Якунъ съ лѣпъ* («был Якун сей леп») не представляется возможным. Интересующее нас место в Лаврентьевской летописи следует переводить иначе: «и был Якун щеплив (щеголь). [и] луда у него была выткана золотом»¹³. Более того, если учесть, что союз «и» фигурирует не во всех списках, меняется синтаксис. Вторую часть фразы можно трактовать как иллюстрацию или пояснение к первой, выявляющее подлинное значение летописного *слѣпъ / слѣпъ*: «а был Якун щеплив, (ибо) луда у него была выткана золотом». С этой точки зрения, слово *слѣпъ* выражает заглавную черту личности Якуна, подтверждением и

¹² Мы не собираемся подвергать сомнению художественную сторону переводов скандинавских саг на русский язык. Речь идет о границах между предметными областями нескольких самостоятельных дисциплин – филологии, лингвистики, семиотики (теории знаков) и этнографии. Если коротко: что позволено филологу, то не позволено этнографу. Этнограф должен относиться к сагам не иначе, как к этнографическому источнику. Кажется, еще Ф. де Соссюр сказал, что вопрос о связи между словом и денотатом (материальным референтом) носит экстралингвистический характер.

¹³ Неизвестно, как звучала лексема *слѣпъ* (*слѣпъ*) в устной речи (ср. в качестве прецедента хрестоматийное *соломя – шоломя*). В этом вопросе последнее слово, конечно, остается за филологами.

конкретизацией которых является описанием его внешнего вида, определяемого ношением роскошной одежды – тканой золотом луды.

Заключение. Несмотря на довольно хитроумные риторические приемы, направленные скорее на убеждение, чем на доказательство, летописное сообщение о Якуне не обнаруживает в себе никаких достоверных указаний на «скандинавско-русские параллели», разумеется, кроме самого упоминания о варягах как союзниках князя Ярослава. При внесении в некоторых корректив система аргументов Н.П.Ламбина до настоящего времени остается тем рубжом, с которого только и возможно продвижение вперед.

Теория «рассказа о плаще» на поверку оказывается лишь следствием элементарной подмены тезиса. Первоначально задача формулируется как поиск параллелей между древнерусским и древнескандинавским миром, но в качестве её решения проводится тезис о существовании у летописного Якуна реального исторического прототипа в лице хладирского ярла Хакона Эйрикссона.

Выражаясь на языке математиков, уравнения $слѣпъ=красив$, $луда=loði$, $отбѣже=отбѣжаша$ не имеют решения. Все решения, предлагаемые в рамках теории «рассказа о плаще», основаны на тезисе о тождестве летописного Якуна и Хакона Эйрикссона, – тождестве, которое, в свою очередь, обосновывается тождеством имен $Якун=Хакон$. Здесь мы, несомненно, имеем дело с классическим кругом в доказательстве. Как таковая теория «рассказа о плаще» сводится к утверждению, что тождество $Якун=Хакон$ есть верное равенство имен. Между тем, наряду с этим уравнением, как известно, можно сформулировать два других уравнения: $Якун=Эймунд$ (Ямун) и $Якун=Яков$. Следовательно, пока еще не доказано не только тождество Якуна и Хакона Эйрикссона, но даже само существование Якуна как исторического лица.

Может быть, в чем-то предвосхищая будущее исследование, позволим себе сказать, что слово *слѣпъ*, толкуемое как «слѣпильный» («щепильный», «щип»), есть ключ к анализу явно очень многослойного образа Якуна, причем этот образ, в свою очередь, является ключом к пониманию событий, связанных с борьбой Ярослава за установление его единодержавной власти на Руси. А так как вымышленный Якун по определению выступает лицом незаинтересованным, не исключено, что для историка не существовавший в реальности Якун окажется гораздо более полезным и правдивым собеседником, чем существовавший Хакон Эйрикссон.

Источники и литература

- Берков В.П.* Исландско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1962. 1032 с.
- Бернштам Т.А.* Обряд «расставания с красотой» (К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXVIII. Л.: Наука, 1982. С. 43-66.
- Былины. Л.: Советский писатель, 1986. 552 с.
- Даль В.* Толковый словарь. Т.1. М.: Русский язык, 1989. 701 с.
- Даль В.* Толковый словарь. Т.2. М.: Русский язык, 1989. 781 с.
- Даль В.* Толковый словарь. Т.4. М.: Русский язык, 1991. 685 с.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. М.: Наука, 1993. 304 с.
- Ламбин Н.П.* О слепоте Якуна и его златотканой луде. Критико-филологическое разыскание // Журнал министерства народного просвещения. 1858. Ч. XCVIII. Отд. II. СПб.: В типографии Императорской академии наук. С. 33-58.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Почему варяг Якун “отбеже луды златое”? Сцены Лиственской битвы 1024 г.» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, № 1(63), 2016. С. 27-40.
- Народные русские сказки А.Н.Афанасьева. Т. II. М.: Наука, 1985. 464 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Л.: Издательство Академии наук, 1926. 151 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М.А.Александрова. 1908. 526 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 15. Тверской сборник. М. Издательство «Наука», 1965, 262 с.
- Сенковский О.И.* Эймундова сага. Сказания об Эймунде Ринговиче и Рагнаре Агнарловиче, скандинавских витязях, поселившихся в России в начале XI века. // Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбауса). Т. 5. СПб.: В типографии Императорской Академии наук, 1858. С. 456-510.
- Снорри Стурлусон.* Круг Земной. М.: Научно-издательский центр «Ладомир». Наука, 1995. 688 с.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. СПб.: Типография Императорской Академии Наук. 1893. 759 с.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1895. 901 с.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. Вып. 3. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1903. 326 с.
- Томсен В.* Начало Русского государства. М.: Университетская типография, 1891. 136 с.
- Торон В.* Ярослав Мудрый. Быково: МОО «Императорское Русское историческое общество», 2012. 784 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. СПб.: Азбука; М., Издательский центр «Терра», 1996. 671 с.
- Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1974. 544 с.
- Sjögren A.J.* Was Bedeutet das in den Russischen Chroniken unter dem Jahre 1024 Vorkommende wort Луда? // Memoires de L'Academie Imperiale des Sciences de St. Petersburg. VI Serie. Series politiques, Histoire et Philologie. Tome II. St.-Petersbourg: De l'imprimerie de l'Academie Imperial de Sciences, 1834. S. 563-562.

Snorri Sturluson. Heimskringla. Vol.I. The Beginnings to Olafr Truggvason. Viking Society for Northern Research. London: University College, 2011. 289 p.

References

- Berkov V.P. *Islandsko-russkiy slovar'* [Icelandic-Russian dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh yazykov, 1962. 1032 pp.
- Bernshtam T.A. *Obryad "rasstavaniya s krasotoy (K semantike nekotorykh elementov material'noy kul'tury v vostochnoslavianskom svadebnom obryade)* [(*"Parting with beauty" ceremony (On the question of semantics of some material culture elements in the East Slavonic wedding ceremony)*)] // Collection of the Museum for Anthropology and Ethnography. Vol.38. Leningrad: Nauka, 1982, pp.43-66.
- Byliny [Epics]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. 1986. 552 p.
- Dal' V. *Tolkovyy Slovar'* [Explanatory dictionary]. Vol.1. Moscow: Russkiy Iazyk. 1989. 701 p.
- Dal' V. *Tolkovyy Slovar'* [Explanatory dictionary]. Vol.2. Moscow: Russkiy Iazyk. 1989. 781 p.
- Dal' V. *Tolkovyy Slovar'* [Explanatory dictionary]. Vol.4. Moscow: Russkiy Yazyk. 1991. 685 p.
- Jackson T.N. *Islandskiye korolevskiye sagi o Vostochnoy Yevrope* [Icelandic King Sagas about East Europe]. Moscow: Nauka, 1993. 304 p.
- Lambin N.P. *O slepote Yakuna I ego zlatotkanoy lude. Kritiko-filologicheskoe pazyskanie* [About blindness of Jackun and his gold-woven luda. Critical-philological research] // Journal of the Ministry of Public Education, 1858, Part 98. Dep.2. St.-Petersburg: V Tip. Imperial Akademii Nauk, pp.33-38.
- Litvina A.F., Uspenskiy F.B. *Pochemu varyag Yakun "otbezhe ludy zlatoe"* [Why did Varangian Jackun "otbezhe ludy zlatoe"] // Ancient Russia. Issues of Medieval Studies, № 1(63), 2016, pp.27-40.
- Narodnye russkie skazki A.N.Afanasieva [A.N.Afanasiev's Russian folk tales]. Vol.2. Moscow: Nauka, 1985, 464c.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russiam Chronicles]. Vol.1. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1926. 151 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russiam Chronicles]. Vol.2. St.Petersburg: Tip.M.A.Aleksandrova, 1908. 526 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russiam Chronicles]. Vol.15. Moscow: Isdatel'stvo "Nauka". 1965. 262 p.
- Senkovski O.I. *Eymundova saga. Skazanie ob Eymunde Ringoviche i Ragnare Agnaroviche, skandinavskikh vityazyakh, poselivshikhsya v Rossii v nachale XI veka* [Eymundar saga. The Legend about Eymund Ringovich and Ragnar Agnarovich, scandinavian knights, settled in Russia in the beginning of 19th century] // Collected works of Senkovski (Baron Brambaus). Vol.5. St.-Petersburg: V Tip. Imperial Academy of Sciences. 1858, 456-510 pp.
- Snorri Sturluson. *Krug Zemnoi* [Heimskringla]. Moscow: "Ladimir". Nauka. 1995. 688 p.
- Sreznevsky I.I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam*. [Materials for the dictionary of the Old Russian language from written monuments]. Vol.1. St.-Petersburg: Tip.Imperial Academy of Sciences, 1893, 759 p.
- Sreznevsky I.I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam*. [Materials for the dictionary of the Old Russian language from written monuments]. Vol.2. St.-Petersburg: Tip.Imperial Academy of Sciences, 1895, 901 p.
- Sreznevsky I.I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam*. [Materials for the dictionary of the Old Russian language from written monuments]. Vol.3. Issue 3. St.-Petersburg: Tip.Imperial Academy of Sciences, 1893. 326 p.

- Thomsen W. *Nachalo Russkogo gosudarstva [Der Ursprungen der Russischen Staates]*. Moscow: Universitetskaya tipografia, 1891. 136 p.
- Torop V. *Jaroslav Mudry [Yaroslav the Wise]*. Bykovo: MOO “Imperial Russian historical society”, 2012. 784 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka [Russisches etymologisches Worterbuch]*. Vol.2. St.-Petersburg: Azbuka; Moscow: Izdatel'skiy tzentr “Terra”, 1996. 671 p.
- Shanskiy N.M., Ivanov V.V., Shanskaya T.V. *Kratkiy etimologicheskii slovar' russkogo iazyka [Short etymological dictionary of the Russian language]*. Moscow: Prosveshchenie, 1974. 544 p.
- Sjögren A.J. Was Bedeutet das in den Russischen Chroniken unter dem Jahre 1024 Vorkommende wort Луда? // *Memoires de L'Academie Imperiale des Sciences de St.Petersbourg. VI Serie. Series politiques, Histoire et Philologie. Tome II*. St.-Petersbourg: De l'imprimerie de l'Academie Imperial de Sciences, 1834. S.563-562.
- Snorri Sturluson. *Heimskringla. Vol.I. The Beginnings to Olaf Truggvason*. Viking Society for Northern Research. London: University College, 2011. 289 p.

Белков П.Л. О красавце Якуне и его золотом плаще. Термины одной теории.

Белков Павел Людвигович – к.и.н., ст.н.с., Музей антропологии и этнографии им.Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3; PavelL.Belkov@kunstkamera.ru

Статья посвящена проблеме «идентификации» варяжского князя Якуна из «Повести временных лет» в рамках объяснения выражения *бѣ Якунѣ слѣпъ* посредством понятия щегольства. Якун по описанию летописца был щеголь (ср. древнерусское слово *слѣпливый* – «ослепительный»). Вот, почему он выставлял напоказ свой вытканый золотом плащ (*луду*). Эта концепция может быть документирована с помощью таких устаревших выражений, как *щепливый* или *щাপливый*. Напротив, лексема *лѣпъ* в древних текстах означала буквально «пластырь». С этой точки зрения, показательно, что в английском переводе «Круга земного» слово *friður* имеет своим эквивалентом слово *handsome*, а не *beautiful*. Данная характеристика («щегольство») является ключом ко всему летописному сообщению о Якуне.

Ключевые слова: Повесть временных лет, князь Якун, понятие красоты, вытканый золотом плащ

Belkov P.L. About handsome Jackun and his gold-embroidered cloak. The terms of a theory.

Belkov Pavel Ludwigovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Museum for Anthropology and Ethnography by the name of Peter the Great (Kunstkamera) RAN, 3, Universitetskaya nab., St.-Petersburg, 199034; Russian Federation; PavelL.Belkov@kunstkamera.ru

The paper addresses the issue of “identification” of a Varangian prince Yakun of the Primary Chronicle within the framework of explaining the meaning of the expression *бѣ Якунѣ слѣпъ* with the notion of foppery. Yakun according to description of the author of the Chronicle was a jack-a-dandy, spark or something (cf. ancient Russian word *слѣпливый* – “dazzling”). That’s

why he had been parading of his gold-embroidered cloak (*лудѧ*). This concept can be documented through the existence of old Russian words *щепливый* or *щапливый*. On the contrary, the lexeme *лѣпъ* in the ancient texts meant literally just *a patch*. From this point of view, it is indicative that in the English “Heimskringla” translation the word *friður* has been valued as an equivalent to the word *handsome*, not *beautiful*. This characteristic (“panache”) is a key to the whole Primary Chronicle message about Yakun.

Keywords: Primary Chronicle, prince Yakun, handsome man, gold-embroidered cloak.